

 Любовь и тайна

ЦИКЛ РОМАНОВ
«СОВЕТСКИЙ КОЛДУН»

ЛЮБОВЬ КОЛДУНА

НАСЛЕДСТВО КОЛДУНА

В МОИХ ГЛАЗАХ —
ТВОЯ ПОГИБЕЛЬ!

ЧЕРНАЯ КАРТА СУДЬБЫ

Елена
Арсеньева

Наследство колдуна

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
А85

Художественное оформление *Елены Анисинной*

Иллюстрация на переплете *Елены Черновой*

Ранее книга выходила под названием
«Последний приют призрака»
и псевдонимом *Е. Хабарова*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Наследство колдуна / Елена Арсеньева. —
Москва : Эксмо, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-04-098712-2

Дети погибших при странных обстоятельствах советских колдунов Егоровых выжили. Судьба разбросала их по разным городам страны. Этим обладающих сверхъестественными способностями мальчика и девочку ищет тот, кто предал их родителей. А также шпионы Аненербе, ведь идет война с фашистской Германией. Помимо того, что их способности каждая сторона планирует использовать по-своему, есть и пропавший дневник отца Егоровых, о котором его потомки не могут не знать. Завладеть этим артефактом – значит, получить доступ к величайшей тайне...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Арсеньева Е., текст, 2018
© Чернова Е., иллюстрация
на переплете, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098712-2

Есть на небесах Бог, открывающий тайны.

Книга пророка Даниила

В судьбе нет случайностей.

Лев Толстой

ПРОЛОГ

*Окрестности Сарова,
Нижегородская губерния,
апрель 1927 года*

Колеса телеги увязли в раскисшей колее проселочной дороги, и возчик устало простонал:

— Вот же сила нечистая! Который раз засели! Чего ж выбрали для таких важных дел самую распутицу?!

— Зря ты яришься, — сказал человек, сидевший в телеге на сене, положив на колени винтовку. Снял треух, обнажив лысую голову, зачем-то заглянул в шапку и снова глубоко надвинул ее на лоб. — Очень хорошо, что распутица, что ни пройти ни проехать. Встали бы дороги, так со всех окрестных сел народ бы собрался. Небось обложили бы, не дали бы ничего увезти, а то и постреляли бы нас из чашобы.

— Слышали вчера набат? — угрюмо проговорил второй седок, тоже вооруженный, настороженно всматриваясь в близко подступивший к дороге еще сквозной апрельский лес. — Вроде в Кременках ударили...

— Ну, Кременки от нас теперь далеко в стороне, — ухмыльнулся лысый. — Пускай они теперь хоть во все колокола звонят, толку-то!

— Слышь, товарищ Беляков, — сердито прервал его возчик, — и ты, Елисеев, давайте-ка слезьте да телегу подтолкните, а то лошадь надорвется.

Седоки безропотно положили винтовки на сено и прыгнули в жидкую холодную грязь, сразу утонув по щиколотки. Беляков был в сапогах, Елисеев — в валенках с галошами, которые немедля увязли и сползли с ног.

Возчик, обутый так же, поглядел на него, хмыкнул в усы и не стал слезать с облучка.

— Пошла, пошла! — подхлестнул он вожжами лошадь. — Пошла, пошла, милая!

— Ты ее кнутом, дохлятину! — изо всех сил подталкивая телегу, задыхаясь, выкрикнул Беляков. — Небось взорлит!

— Взорлит! — сердито передразнил возчик, не обернувшись. — Нам на ней до самой Москвы тащиться. Как бы не надорвалась. Падет животина — что станем делать с нашим ценным-бесценным грузом? Так что навалитесь, граждане-товарищи!

— Без толку, — буркнул Елисеев, куда более доходяжный, чем крепкий, широкоплечий Беляков. — Давайте гати подмостим.

Упарившись, толкачи сняли с себя полушубки, побросали в телегу. Елисееву возчик дал топорик, Беляков орудовал охотничьим ножом.

Наломали веток, нарубили подлеска, набросали в грязь, опять взялись толкать с оханьем,

да кряхтением, да матюгами — и наконец увязшее колесо выскочило, телега пошла, пошла, и хорошо взопревшие Беляков с Елисеевым только примерились вскочить в нее, как возчик снова натянул вожжи.

— Чего ты? — сердито крикнул было Беляков — и осекся, увидев впереди на дороге мужскую фигуру, слегка размытую странной легкой дымкой, какая курится в иной знойный солнечный день над лесной дорогой.

Солнца, впрочем, не было и в помине, да и зноя тоже. Какой зной в начале апреля? А если по-старому посчитать, это и вовсе еще самый настоящий март. Спасибо скажешь, если не запуржит да не завьюжит!

— Кто такой? — крикнул Беляков, хватая с телеги винтовку и наводя на незнакомца.

Тот молчал и, чуть наклонив голову, переводил взгляд с одного на другого.

Беляков передернул плечами — начал пробираться озноб, и он пожалел, что не успел одеться, прежде чем откуда-то взялся этот незнакомец. Но в то же мгновение ему стало жарко — куда жарче, чем несколько минут назад, когда толкали телегу и мостили гать. Незнакомец стоял неподвижно, однако Белякову внезапно показалось, будто в него швырнули огненный ком и тот угодил прямо в лицо!

С криком Беляков уронил винтовку, прижал ладони к лицу, отвернулся. Рядом жалобно попискивал Елисеев и, мучаясь, басом голосил возчик.

Краем уха Беляков услышал чьи-то торопливые шаги, прочавкавшие по грязи мимо него, потом зашуршало сено, раздался скрежет гвоздей, и он понял, что с небольшого ящика, который лежал в телеге и который им велено было любой ценой доставить в Москву, срывают крепко прибитую крышку.

— Не троньте, гады! — завопил было Беляков, однако, стоило отнять руки от лица, как из обожженных глаз хлынули слезы.

— Есть! — крикнул мужской голос. — Всё здесь! Слышишь, Гроза?.. Да ты что, Гроза? Стой, держись! Эй, Касьян Егорович, помоги ему! Упадет же!

«Касьян Егорович» — это имя было знакомо Белякову. Касьян Егорович Петров! Так в миру звали иеромонаха¹ Саровского монастыря отца Киприана. Беляков знал об этом потому, что отец Киприан вместе с Беляковым и другими членами Пензенской² губернской комиссии подписывал некий акт, а там надо было указывать не какие-то старорежимные духовные прозвища, а подлинные мирские или, как теперь следовало говорить, гражданские имена.

— Вытаскивай оттуда все! — послышался задыхающийся голос с дороги. Звучал он слабо, однако Беляков понял, что это был голос молодого еще человека. Наверное, того самого, что встал

¹ В православии так называется монах, имеющий сан священника. (*Здесь и далее прим. автора.*)

² В 1927 г. Саров входил в состав Пензенской губернии.

им поперек пути и швырнул в лицо пламень. — Вы-
таскивай все и снова забей ящик!

— Поторопись, — крикнул кто-то еще, и Бе-
ляков узнал голос отца Киприана — Касьяна Пет-
рова. Да уж, наслушался его причитаний, куда
потрошили колоду с этими мощами! А что такое
мощи? Кости, больше ничего! Нет же, Касьян-
Киприан крутил свою шарманку без остановки:
святотатство, кощунство... Иной раз пристрелить
его хотелось, честное слово. — Уходить пора! По-
скорей, Гедеон!

«Гедеон! — повторил мысленно Бе-
ляков. — Гедеон! Уж не тот ли, кто был лесником при мо-
настыре? Они его еще лесным хозяином звали.
А кто ж такой Гроза? Голос молодой, незнако-
мый... Ну да ничего! Сыщу я вас... всех вас сыщу!»

Послышались удары молотка, потом шурша-
нье. Ящик забили, завалили сеном, понял Бе-
ляков.

Затем снова рядом раздались чавкающие шаги,
и он ощутил движение воздуха, как будто кто-то
прошел мимо.

Наверное, Гедеон!

Беляков отнял одну руку от пылающего лица и
сделал хватательное движение, пытаясь поймать
Гедеона, однако монах сильно толкнул Беляко-
ва — тот еле удержался на ногах, схватившись за
грядку¹ телеги, и буркнул:

¹ Грядки телеги — две продольные жерди, сверху и
снизу, образующие боковые края тележного кузова.

— Изыди, исчадие адово!
А потом хмуро спросил своих:
— С этими что будем делать? Донесут ведь...
— Люди добрые! — заблажил возчик. — Помилуйте! Мы молчком! Клянемся! Никому и ничего!
— Молчать будем, как мертвые! — горячо поддержал и Елисеев, однако тут же умолк, словно подавился словами, которые сейчас вполне могли оказаться пророческими.

«А ведь убьют, как пить дать, — подумал Беляков, вмиг похолодев так, словно уже сделался покойником. — Да что же это... Как же это... задание государственной важности... Товарищ Тарашкевич из Пензенского губисполкома так и сказал: «Доверяем вам, товарищ Беляков Михаил Афанасьевич, и вам, товарищ Елисеев Иван Трифонович, доставить ценнейший груз, имеющий огромное идеологическое значение, в Москву!» И как хорошо все было задумано: двое саней поехали к Нижнему чисто для отвода глаз, одна телега к Пензе с сильной охраной, как будто они везут главный груз, а мы тишком из Сарова нарочно пробирались в объезд: через Дивеево, через Глухово, через Арзамас, чтобы со следа всех сбить, чтобы наверняка попасть в Москву, чтоб кости эти проклятущие туда непременно привезти! А теперь я сам костями лягу?! Пристрелят да в болоте утопят. Лошадь с телегой угонят. И все! А вдруг наши подумают, будто мы сами подались к этим разбойникам, будто сами украли груз? Что с моей семьей за это сделают?! Матвеев, упол-

номоченный Пензенского ОГПУ по Краснослободскому уезду, член уисполкома¹, — он же зверь зверский! Еще в антоновщину² лютовал! А дети?.. Дети мои? Жена беременная... Убьют ведь всех до единого, как мы с Матвеевым убивали семьи тех, кто к антоновцам ушел...»

Голову ломило от этих страшных мыслей, от ужаса неминуемой смерти!

— Ну, что делать с ними будем? — снова угрюмо спросил Гедеон. — Глумцы ведь, кощунники. Сколько зла людям причинили! Отпустим — донесут на нас, как пить дать.

— Нет, — слабо донеслось с дороги. — Оставьте их. Они... ничего не смогут...

Голос прервался.

— Гроза! — встревоженно крикнул Гедеон, и по учатившемуся хлопанию грязи Беляков понял, что монастырский лесник куда-то бежит.

Некоторое время еще доносились отголоски их с Киприаном-Касьяном разговора, потом слышались удаляющиеся шаги двух человек, ко-

¹ У и с п о л к о м — уездный исполком.

² Имеется в виду Тамбовское восстание 1920–1921 гг. (Антоновский мятеж) — одно из самых крупных народных восстаний против советской власти в годы Гражданской войны. Мятеж обычно называется Антоновским или «антоновщиной» по фамилии одного из руководителей восстания, эсера А. Антонова, однако истинным его главой был П. Токмаков, командующий Объединенной партизанской армией и председатель Союза трудового крестьянства. Мятежом были охвачены Тамбовская и частично Воронежская, Пензенская и Саратовская губернии.

торые, кажется, несли какую-то тяжесть, потому что шагали явно медленно.

Наконец все стихло. Слышно было только, как ветер перебирает вершины деревьев.

Беляков не мог поверить, что все кончилось, а он остался жив. Теперь надо поворачивать обратно в Саров. Все объяснить. Так и так, напали, груз отняли... Елисеев с возчиком подтвердят!

«Вот только зачем они ящик сызнава забрили?» — мелькнула мысль.

Лицо вроде бы пекло уже меньше, хотя страшно было даже подумать о том, чтобы открыть глаза. И прошло немалое время, прежде чем Беляков на это решился.

Глянул сквозь беспрерывно текущие слезы. Рядом топтались такие же плачущие возчик и Елисеев. Лица у них были красные, вспухшие. Судя по всему, он, Беляков, выглядел так же.

— Что это было, Господи, помилуй, Господи, помилуй?! — твердил возчик, истово крестясь.

— Да кто же знает, — пробормотал Беляков.

Елисеев ничего не говорил, только испуганно озирался. Наконец выдохнул испуганно:

— Аки гром с ясного неба нагрянули... не ведаю, что и как...

Потом и он перекрестился.

Белякову тоже хотелось осенить себя крестным знаменем, однако этого он, член партии и старший милиционер, никак не мог себе позволить. Возчик был самый обычный крестьянин, даже не партийный, а сочувствующий, Елисеев —

всего лишь член Саровского сельсовета. Конечно, даже им было зазорно креститься, а уж Беляков скорее дал бы себе руку отрубить!

Снова отер слезы, огляделся.

Пусто на дороге. Сунулся в телегу — ящик с грузом на месте, под сеном. Зачем же все-таки эти разбойники его снова закрыли да забили?! Ладно, их имена он запомнил, всех найдет и допросит пристрастно...

В это мгновение словно бы какая-то тень прошла перед его лицом. Прошла да и исчезла.

Беляков проморгался. Опять огляделся.

А чего это они стоят на дороге? Ага... телега завязла, гатили грязь, выбрались на твердое. Надо ехать!

А слезы из глаз почему льются? Ветром надуло?

Странно. Вроде бы он слышал какой-то разговор... какие-то имена звучали... Неужто померещилось?

— Никто ничего не слышал? — спросил осторожно.

Елисеев и возчик пожали плечами:

— Да нет. А чего слышать-то было? Поехали, коли телегу вытолкали, чего тут стоять, зябнуть попусту!

Беляков нахмурился. Почему-то маячило на задворках памяти слово «гроза», однако небо было ясным, откуда бы взяться грозе? К тому же в начале апреля какие могут быть грозы? Чай, не лето! А если по-старому считать, так ведь и вовсе март-позимник...